

А. А. Сидоров

**Польское восстание 1863
года**

Исторический очерк

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

А11 **А. А. Сидоров**
Польское восстание 1863 года: Исторический очерк / А. А. Сидоров – М.:
Книга по Требованию, 2021. – 258 с.

ISBN 978-5-518-02816-6

Польское восстание 1863 года: исторический очерк. С портретами и сним-
ками.

ISBN 978-5-518-02816-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

I.

На паденіе Польши высказывались различные взгляды. Одни видѣли въ этомъ событіи естественный результатъ государственнаго неустройства Польши,—другіе—плодъ коварныхъ интригъ и жадныхъ стремленій къ захватамъ сосѣднихъ государствъ; третьи, выставляя Польшу носительницей цивилизаціи, усматривали въ паденіи ея торжество „восточнаго варварства“; четвертые, считая ея очагомъ іезуитизма, католическаго фанатизма, изувѣрства и крѣпостническаго насилія, находили религиозную нетерпимость и крайнее закрѣпощеніе народа главными причинами упадка польской Рѣчи Посполитой; пятые, называя Польшу колыбелью гражданской свободы, объясняли паденіе ея тѣмъ, будто бы Польша осуществила идеалъ свободы слишкомъ рано, когда въ остальныхъ государствахъ Европы царилъ „грубый деспотизмъ,“ который, по ихъ мнѣнію, не могъ примириться съ существованіемъ свободолубивой страны и подавилъ ее, а шестые видѣли въ паденіи ея справедливое возмездіе за гнетъ религиозной совѣсти и насиліе надъ національной личностью малороссовъ и бѣлороссовъ, въ народныхъ пѣсняхъ которыхъ до сихъ поръ звучатъ горькія жалобы на „ляховъ“; польскіе мистики считали паденіе Польши искупительной жертвой за грѣхи человечества, а нѣкоторые писатели, называя Польшу исторической блудницей, торговавшей своей короной и своимъ народомъ, приписывали ея паденіе распущенности и продажности ея. Высказывалось мнѣніе, что Польша пала вслѣдствіе отсутствія въ польскомъ характерѣ твердости, необходимой для прочнаго государственнаго строительства, и выражался взглядъ, что паденіе Польши было слѣдствіемъ слишкомъ сильнаго развитія въ полякахъ личнаго начала въ ущербъ государственному. Указывалось также, какъ на главныя причины паденія Польши, на отсутствіе въ Рѣчи Посполитой тахъ-называемаго третьяго сословія и на слабое развитіе въ ней промышленности и торговли. Этотъ взглядъ преимущественно развивался польско-еврейскими писателями, которые притомъ находили, что роль третьяго сословія могли бы сыграть

въ Рѣчи Посполитой евреи, если бы они пользовались болѣе широкими правами, а антисемиты приписываютъ видную роль въ паденіи Польши евреямъ, гостепрѣмно принятымъ въ Польшу въ половинѣ 14 вѣка королемъ Казиміромъ III, утверждая, что евреи внесли нравственную испорченность въ польскую среду и поддерживали рознь между шляхтой и хлопомъ съ цѣлью болѣе удобной эксплуатаціи обѣихъ сторонъ.

Разбирая безпристрастно прошлое Польши, главными причинами упадка ея надо признать германскій „Drang nach Osten“, ростъ русскаго государства въ связи съ естественнымъ тяготѣніемъ къ нему русскихъ областей, подпавшихъ подъ власть Польши въ эпоху удѣльныхъ неурядицъ на Руси и татарскаго ига, и внутреннюю слабость и неустройство Рѣчи Посполитой, раздѣлявшей на два чуждыхъ другъ другу стана: магнатовъ, шляхту и духовенство, создавшихъ шляхетско—клерикальную воинственную республику съ выборнымъ королемъ, и народъ, чуждый этой республикѣ съ ея германо-римскими учрежденіями и началами: западно-европейскимъ средневѣковымъ теократизмомъ, феодализмомъ, магдебургскимъ городскимъ правомъ и идеями рыцарства.

Западныя окраины Польши подверглись германизаціи въ самомъ началѣ ея государственной жизни, а восточныя подъ девизомъ „волимъ (предпочитаемъ) подъ царя восточнаго, православнаго“ одна за другой стали примыкать къ Россіи послѣ того, какъ Россія сплотилась въ сильное государство. Ядро польскаго государства—сравнительно небольшая территория съ кореннымъ польскимъ населеніемъ, не подвергшимся германизаціи,—при отсутствіи сильной объединяющей власти, при розни между паномъ и хлопомъ, при соперничествѣ магнатовъ и распущенности шляхты не было въ силахъ противодействовать начавшемуся уже въ первой половинѣ 17 вѣка распаденію Польши. Всѣ усилія католическаго духовенства, провозглашавшаго Польшу „стѣнной христіанства на востокѣ“ и толкавшаго поляковъ на борьбу со „схизмой“ (православіемъ), воспламенить поляковъ къ борьбѣ не только за цѣлость Рѣчи Посполитой, но и за расширеніе ея предѣловъ на востокъ, въ это время уже не имѣли успѣха. А когда настало время раздѣловъ Польши, у заинтересованныхъ въ сохраненіи ея классовъ населенія: магнатовъ, шляхты, двороваго люда, католическаго духовенства и извѣстной части горожанъ, благосостояніе которыхъ основывалось на магнатахъ, шляхтѣ и духовенствѣ,—не хватило единства и мужества вступить въ борьбу за нее не на жизнь, а на смерть. Раздѣлы Польши совершались, не встрѣчая сильнаго сопротивленія. Правда, наканунѣ ихъ часть магнатовъ, шляхты и

духовенства дѣлала попытки возродить Польшу и, дѣйствуя въ духъ просвѣтительныхъ идей второй половины 18 вѣка, старалась поднять просвѣщеніе въ Польшѣ, насадить промышленность, развить торговлю, придать католическому прозелитизму болѣе гуманныя и просвѣтительныя формы, улучшить положеніе городовъ и крестьянъ, установить въ Рѣчи Посполитой порядокъ и сильную власть. Эти попытки не прекращались и во время раздѣловъ, но во-первыхъ, трудно было вдохнуть жизнь въ давно уже разлагавшееся государственное тѣло, во-вторыхъ задуманныя тогда на французскій образецъ реформы мало отвѣчали условіямъ жизни Рѣчи Посполитой, а въ-третьихъ, напр., улучшение положенія крестьянъ по конституціи 3 мая 1791 г. и другимъ проектамъ той эпохи, являлось болѣе фивтивнымъ, чѣмъ дѣйствительнымъ. Наконецъ, всѣ эти проекты имѣли много противниковъ. Польское крестьянство въ общемъ относилось безразлично, къ раздѣламъ, а западно-русское, видѣвшее въ Рѣчи Посполитой, говоря словами Георгія Конисскаго „тѣсный Израелю Египетъ“, мѣстами даже удерживалось силой русскаго оружія отъ повторенія уманской рѣзни шляхты. Увлечение же болѣе пылкихъ польскихъ головъ революціонными французскими принципами 1789 года и стремленіе связать съ этими принципами движеніе за независимость Польши и вовлечь въ это движеніе народъ привели лишь къ революціонному террору и буйству городской черни. Варшавская городская чернь подъ руководствомъ сапожника Килинскаго произвела ночью рѣзню, перерѣзавъ спящихъ русскихъ. Но ни отъ того, что въ возстаніи приняла участіе варшавская чернь, ни отъ того, что Костюшко одѣлся въ крестьянскій костюмъ, и что подъ его команду шляхта привела нѣсколько тысячъ крестьянъ съ косами,—возстаніе не стало народнымъ. Оно скоро было подавлено, и Польша окончательно пала.

Но разрушившись на дѣлѣ, она продолжала жить въ умахъ и чувствахъ верхнихъ слоевъ польскаго народа, призракъ ея управлялъ ихъ умами и чувствами. Стремленіе возстановить Польшу стало руководящимъ началомъ жизни высшихъ классовъ польскаго населенія. Для достиженія этого были испробованы разные пути: поляки старались эксплуатировать въ свою пользу возникавшія въ Европѣ доктрины и общественныя движенія, искали поддержки то у правительствъ, то у оппозиціонныхъ партій, то старались добиться своей цѣли такъ называемымъ путемъ лойяльности, то съ оружіемъ въ рукахъ, какъ это было въ 1812, 1830—31, 1846—1848 и, наконецъ, въ 1861—64 годахъ. Началось съ того, что эмигрировавшіе послѣ третьяго раздѣла Польши въ Парижъ поляки учредили тамъ въ 1795 г. польскую депутацію, поставившую цѣлью возсо-

зданіе Польши. Бывшій соратникъ Костюшки Домбровскій применилъ къ Наполеону и образовалъ польскіе легіоны, въ которыхъ сложи-лась пѣсня „Еще Польша не погибла“, а молодой кн. Адамъ Чар-тогыйскій, пріѣхавшій послѣ раздѣловъ Польши въ Петербургъ представиться императрицѣ Екаторинѣ II и оставленный при рус-скомъ дворѣ, сблизившись съ великимъ княземъ Александромъ Павловичемъ (впослѣдствіи императоромъ Александромъ I), сталъ убѣждать его въ несправедливости раздѣловъ Польши. Стремленія поляковъ были осуществлены до нѣкоторой степени, когда въ 1807 г. Наполеонъ, по соглашенію съ императоромъ Алексан-дромъ I, основалъ небольшое варшавское герцогство. Оно явилось въ глазахъ болѣе умѣренныхъ поляковъ ядромъ новой Польши, но не удовлетворило ожиданій большинства поляковъ, требовавшихъ сразу Польши „отъ моря до моря“ съ включеніемъ въ нее Литвы и Западной Руси, ополяченіе и окатоличеніе которыхъ поляки на-зывали своей исторической миссіей. Съ большими надеждами они встрѣтили вѣсть о походѣ Наполеона на Россію, вспомнили 1612 годъ, тогдашнія побѣды надъ Москвою, грозили гибелью Рос-сіи, на развалинахъ которой мечтали возстановить Польшу. „О годъ двѣнадцатый,—воспѣваетъ его Мицкевичъ—

... чтишь тебя народъ
И пѣсни про тебя слагаютъ и поетъ!
Забутый гдѣ-нибудь доселѣ старый воинъ,
Услышавъ про тебя, не можетъ быть покоенъ,
Невольно тесака хватаетъ рукоять,
И кровь его кипитъ, и молодъ онъ опять!
И сердцемъ мы тебя предчувствовали всѣ,
И что-то дивное съ литвинами творилось:
Какъ будто небо ннѣ въ то время растворилось!
Доселѣ, переносясь въ минувшіе года,
Тебя, какъ сладкій сонъ я вижу иногда,
И, скорбію повитъ, лью слезы и тоскую...
Увы, я въ жизни зналъ одну весну такую!..
Отъ Нѣмана идетъ къ Литвѣ Іеронимъ,
Король Вестфалии, *) и нашъ Іосифъ **) съ нимъ,
А далѣе вожди: Княжевичъ и Грабовскій,
Зіончикъ, Яшвилъ, Паць, Гедройць и Малаховскій.

(„Панъ Тадеушъ“ пер. Н. В. Берга).

Но Наполеонъ потерялъ пораженіе, и поляки перенесли свои надежды

*) Братъ Наполеона I. **) Князь Іосифъ Понятовскій, родственникъ послѣдняго польскаго короля Станислава Августа Понятовскаго.

на Александра I, основавшего въ 1815 г. царство польское. Когда Александръ I пріѣхалъ въ 1815 г. въ Варшаву, его встрѣтили гимномъ „Боже, который Польшу столь долгіе вѣка“. Въ этомъ гимнѣ заключается мольба о возвращеніи Польшѣ славы и могущества, а также о соединеніи двухъ братскихъ народовъ (русскаго и польскаго) подъ одной державой ангела мира (Александра I.) Этотъ гимнъ впоследствии былъ передѣланъ и сталъ революціонной польской пѣсней.

Казалось, что наступаетъ время русско-польскаго сближенія, что „кровавыя ссрижали“ русско-польскихъ отношеній уже не будутъ обогряться братской кровью. Это было въ разгаръ западно-славянскаго возрожденія, когда у западныхъ славянъ вѣрпла вѣра въ Россію и распространялось убѣжденіе, что первое и руководящее мѣсто въ славянствѣ принадлежитъ русскимъ съ ихъ языкомъ. Къ полякамъ доходили отголоски этого движенія. Польскіе историки и слависты того времени выступили съ рядомъ трудовъ, написанныхъ въ духѣ всеславянства и признанія за Россіей главенства въ славянскомъ мірѣ. Одинъ изъ видныхъ представителей этой группы польскихъ ученыхъ Раковецкій, издатель и толкователь „Русской правды“ Ярослава, отерзито выражалъ свое сочувствіе православію. Симпатіи къ славянскому обряду раздѣлялъ и молодой въ то время ученый Мацѣевскій, ставшій впоследствии самымъ выдающимся польскимъ славянофиломъ. Но это движеніе не пустило корней среди поляковъ не безъ вины съ нашей стороны: правительство Александра I-го 1815—1818 годовъ, насаждая въ царствѣ польскомъ конституцію западно-европейскаго образца и думая о распространеніи конституціонныхъ формъ на всю Россію, переживало эпоху увлеченія западомъ, въ сильномъ подчиненіи идеямъ котораго находилось тогда почти все русское образованное общество. Такимъ образомъ, поляки въ общемъ остались вѣрны своей „исторической миссіи“, въ силу которой, по ихъ мнѣнію, имъ должно принадлежать главенство въ восточной Европѣ и господство надъ Западной Русью и потому добивались присоединенія къ царству западныхъ областей Россіи, усиленно ополчаясь и окатоличивая эти области. Извѣстно, что императоръ Александръ I склонился исполнить это желаніе поляковъ, но когда это намѣреніе государя встрѣтило несочувствіе въ русскихъ, нашедшее себѣ выраженіе, между прочимъ, въ запискѣ Карамзинна о „Древней и Новой Россіи“, и когда Александръ отступилъ отъ этого намѣренія, кн. Адамъ Чарторыйскій и другіе поляки повели усиленную антирусскую пропаганду. Пропаганда имѣла тѣмъ большій успѣхъ, что тогда были въ модѣ тайныя общества, которыя росли

и развивались тогда въ Россіи и Европѣ: это было время массонства, время декабристскаго движенія въ Россіи, карбонаріевъ въ Италіи. Царство польское и западный край быстро покрылись сѣтью тайныхъ обществъ и кружковъ. Массонство получило у поляковъ національно-польскую окраску, а возникшіе тогда въ Вильнѣ польскіе кружки „нравственнаго совершенствованія“ видѣли въ этомъ совершенствованіи орудіе для возстановленія Польши. Сплетеніе идеи воскресенія ея, въ „демократическихъ“ польскихъ кружкахъ съ западно-европейскими революціонными теченіями, поддерживало польское броженіе. Одинъ изъ видныхъ польскихъ „демократовъ“, историкъ Лелевель, для котораго аристократическое начало воплощалось въ магнатахъ, а демократическое въ шляхтѣ и городскомъ сословіи, примѣнилъ тогдашнія западно-европейскія демократическо-политическія теоріи къ польской исторіи и мечталъ о Польшѣ, которой правили бы не магнаты, а шляхта и городской классъ. Онъ находилъ въ прошломъ Польши всѣ элементы для осуществленія этого идеала. Съ точки зрѣнія этой доктрины, Лелевель и его послѣдователи признавали, какъ и представители польской аристократической партіи, западно-русскія области польскими, такъ какъ большинство шляхты въ нихъ было ополячено и окатоличено. Нѣкоторые послѣдователи Лелевеля пошли дальше и пришли къ заключенію, что поляки призваны возродить въ духѣ идеаловъ Лелевеля не только Польшу, но и все челоувѣчество, да и самъ Лелевель высказывалъ, хотя менѣе рѣшительно, чѣмъ его ученики, подобный взглядъ.

Мицкевичъ, говорившій, по свидѣтельству Пушкина, своимъ петербургскимъ друзьямъ о временахъ грядущихъ,

Когда народы, распри позабывъ,
Въ великую семью соединятся,

вѣрилъ, какъ это видно изъ его сочиненій и писемъ, что это объединеніе состоится подъ знаменемъ польскихъ „демократическихъ“ идей, хотя не договаривалъ этого въ Петербургѣ. На почвѣ мечтаній о будущемъ челоувѣчества и сочувствія нѣкоторыхъ русскихъ высшаго круга католичеству, попавшіе въ русское общество поляки, сблизились съ нимъ, а стремленіе къ перевороту сблизило нѣкоторыя польскія тайныя общества съ декабристами, національныя же и революціонныя движенія того времени у другихъ европейскихъ народовъ, электризовали поляковъ, и когда въ юлѣ 1830 г. вспыхнула революція въ Парижѣ, а затѣмъ въ августѣ въ Брюсселѣ, въ ноябрѣ того же года прорвалось наружу долго назрѣвавшее

польское движеніе. Польское возстаніе 1830—31 годовъ показало, что поляки силой оружія хотять отвоевать западно-русскія области. Заявленія поляковъ, что цѣль революціи не только независимость царства, но и присоединеніе къ нему западно-русскихъ областей, разыгравшійся въ Варшавѣ во время революціи терроръ, жертвами котораго стали не только русскіе, но и поляки, не сочувствовавшіе революціонному движенію, и обращеніе поляковъ къ вмѣшательству Европы вызвали негодованіе въ русскомъ обществѣ, выразившееся, между прочимъ, въ извѣстныхъ стихотвореніяхъ Пушкина „Клеветникамъ Россіи“ и „Бородинская годовщина“. А М. П. Погодинъ писалъ въ „Телескопѣ“ подъ впечатлѣніемъ возстанія: „Отъ основанія русскаго государства до позднѣйшихъ временъ, т. е. отъ IX столѣтія до XVII, посягаль-ли русскій мечъ хотя на одну каплю польской крови? И наоборотъ, изсыкали-ли хотя на короткое время въ продолженіи сихъ столѣтій рѣки русской крови, пролитой польскою и литовскою саблею въ рукахъ Болеславовъ, Гедеминовъ, Ольгердовъ, Витовтовъ, Баторіевъ, Хоткевичей, Лисовскихъ, — крови, пролитой изъ самаго сердца Россіи — Москвы? Указавъ на агрессивный характеръ прошлаго Польши, Погодинъ, имѣя въ виду революцію 1830—31 годовъ, продолжалъ: „Государства сплавливаются изъ разныхъ частей: какъ минералы, они нарастаютъ по большей части снаружи. Раздѣлить химически сіи части, желая возвратити имъ независимость, — предпріятіе, вообще говоря, суетное, невозможное, безумное. Всю Европу надобно будетъ поставить вверхъ дномъ, погрузити въ бездну междуусобій, разъединити гражданскія общества, чтобъ возвратити народамъ, или лучше, уже семействамъ — ихъ прежнюю независимость вмѣстѣ съ варварствомъ“¹⁾. На призывы императора Николая I сложить оружіе поляки отвѣтили требованіемъ присоединенія къ царству западныхъ губерній. Борьба продолжалась. Конечно, слагавшееся и постепенно разростающееся въ теченіе многихъ вѣковъ сильное единствомъ государство одержало верхъ въ борьбѣ съ тѣми, кто стремился возстановити отжившее и распавшееся государственное строеніе, не имѣвшее опоры въ народной массѣ и поддерживавшееся средневѣковыми подпорками, истлѣвшими къ 19 вѣку. Возстаніе 1830—1831 годовъ было потушено фельдмаршаломъ Паскевичемъ къ осени 1831 года, но искры польскихъ стремленій къ возстановленію Польши продолжали тлѣть въ Россіи и раздувались изъ-за границы, куда эмигрировали главные дѣятели возстанія кн. А. Чарторыйскій, Лелевель и много участниковъ возстанія. Польская эмиграція раздѣлилась на двѣ партіи: бѣлую и красную (аристократическую и „демократическую“). Бывшій русскій царедворецъ, бывшій управляющій русскимъ ми-

нистерствомъ иностранныхъ дѣлъ и попечитель виленаго учебнаго округа, а затѣмъ предсѣдатель польскаго революціоннаго ржонда 1831 года,—кн. А. Чарторыйскій сталъ во главѣ бѣлой партіи, поселившись въ Парижѣ въ отелѣ Ламбергъ. Самъ Чарторыйскій располагалъ большимъ состояніемъ, а кромѣ того многіе поляки дѣлали взносы въ казначейство отеля Ламбергъ. Въ отелѣ были учреждены для руководства польскими дѣлами три департамента, и повсюду въ Европѣ отель имѣлъ своихъ агентовъ, которые, говоритъ В. Д. Спасовичъ, „проникали съ задняго крыльца въ европейскіе кабинеты и подстрекали противъ Россіи“²⁾). Чарторыйскій, мечтавшій о польской коронѣ, старался вліять на европейскія правительства, чтобы они, воспользовавшись тѣмъ или другимъ обстоятельствомъ, возбудили польскій вопросъ, и искалъ себѣ союзниковъ противъ Россіи въ средѣ и кавказскихъ горцевъ, и русскихъ раскольниковъ, и русскихъ эмигрантовъ. Онъ и его партія стремились къ восстановленію Польши и ослабленію Россіи, что считали необходимымъ условіемъ для воскресенія Польши, по возможности, безъ пролитія польской крови, возлагая свои надежды на Европу и европейскую дипломатію. Въ привислинскихъ и западныхъ губерніяхъ у Чарторыйскаго было среди богатыхъ помѣщиковъ много сторонниковъ, которые смотрѣли на него, какъ на некоронованнаго короля Польши. Главой его партіи въ Россіи былъ его племянникъ гр. Андрей Замоискій. Считаая новое возстаніе при существовавшихъ въ то время условіяхъ дѣломъ безцѣльнымъ и безумнымъ, бѣлые старались лишь поддерживать въ полякахъ идею восстановленія Польши въ надеждѣ воскресить ее при измѣнившихся обстоятельствахъ и поднимать благосостояніе земель, которыя они считали польскими. Въ бытность попечителемъ виленаго учебнаго округа въ 1802—1822 годахъ Чарторыйскій образовалъ классъ домашнихъ учителей и учительницъ, которые воспитывали дѣтей въ преданности идеѣ восстановленія Польши. Эти учителя и учительницы продолжали воспитаніе юношества въ томъ же духѣ и послѣ возстанія 1830—1831 годовъ. За свои труды они получали изъ-за границы отъ Чарторыйскаго „особыя благословенія“, состоявшія изъ мѣдныхъ дощечекъ съ рельефнымъ изображеніемъ герба Польши—одноглаваго орла и иконы Ченстоховской Богоматери. Высшее католическое духовенство въ западныхъ губерніяхъ и въ царствѣ польскомъ примыкало въ своихъ взглядахъ къ партіи Чарторыйскаго, а низшее стояло ближе къ эмигрантамъ—„демократамъ“, несмотря на то, что крайніе элементы этой партіи относились индифферентно къ вопросамъ вѣры и частью даже склонялись къ безвѣрію. Чарторыйскому принадлежитъ афоризмъ:

„не католичество изъ патриотизма, а любовь къ отечеству изъ католичества“, что въ переводѣ на болѣе понятный языкъ означаетъ: надо любить Польшу за то, что она католическая, и нельзя любить католичества только потому, что оно является политическимъ орудіемъ въ рукахъ поляковъ. Но на дѣлѣ у громаднаго большинства поляковъ и въ томъ числѣ у самого Чарторыйскаго и у большинства польскаго католическаго духовенства привязанность къ католичеству имѣла въ сильной степени національно-политическую окраску; поэтому неудивительно, что нѣкоторые ксендры примыкали къ „демократамъ“, часто чуждымъ вѣры.

Польскіе эмигранты „демократической“ партіи искали опоры не въ европейской дипломатіи, составлявшей главный фундаментъ различныхъ комбинацій отела Ламбергъ, а въ западно-европейскихъ демократахъ и были готовы поднять новое возстаніе во всякое время. Время съ 1830 по 1848 г. было въ западной Европѣ эпохой бурнаго стремленія народностей къ національной независимости, къ государственному національному объединенію, эпохой стремленія установить, если не республиканскій, то конституціонный режимъ на демократическихъ началахъ, эпохой первыхъ успѣховъ социализма, заявившаго, что необходимо не только политическое, но и социальное равенство. Всѣ эти идеи находили отзывъ у поляковъ, благодаря непосредственному соприкосновенію съ Западной Европой множества польскихъ эмигрантовъ, но поляки придавали имъ свою особую окраску. Во главѣ „демократовъ“, въ первое время послѣ возстанія 1830—31 годовъ стоялъ Лелевель, поселившійся, какъ и Чарторыйскій въ Парижѣ, но когда онъ выпустилъ тамъ нѣсколько воззваній и въ числѣ ихъ „воззваніе къ русскому народу“, французское правительство, по требованію русскаго, предложило ему оставить Францію, и онъ поселился въ Брюсселѣ. „Демократы“ распались на нѣсколько кружковъ и обществъ, объединявшихся авторитетомъ Лелевеля; съ отъѣздомъ его изъ Парижа дробленіе „демократовъ“ на кружки усилилось, и кружки эти вели ожесточенную борьбу другъ съ другомъ. Главный изъ нихъ назывался „демократическимъ обществомъ“. Въ своихъ изданіяхъ и программахъ это общество утверждало, что Польша, „сплотивъ во едино 10 вѣковъ тому назадъ многія близкія другъ къ другу по языку, происхожденію, нуждамъ и характеру племена (т. е. литовцевъ, бѣлоруссовъ и малороссовъ), развивала въ предѣлахъ извѣстныхъ сословій демократическую идею славянства, подавленную въ иныхъ племенахъ чуждою властью и насиліемъ, и одна защищала европейскую цивилизацію отъ напора всякихъ азіатскихъ дикарей: татаръ, турокъ и москалей“. „Польша, поучали далѣе польскіе „демократы“, въ 18 вѣкѣ явилась представи-

тельницей западно-европейских демократических идей, и въ борьбѣ за нихъ была разрушена Россіей“, а потому „дѣло воскресенія Польши, необходимое для всѣхъ, есть дѣло не одной только Польши, а цѣлаго человѣчества“. Польскіе „демократы“ говорили и писали, что стремятся къ національной независимости, но, какъ видно изъ ихъ-же словъ, они, не довольствуясь національной независимостью поляковъ, хотѣли возстановить Польшу въ прежнихъ границахъ съ подчиненіемъ ей Западной Руси и, несмотря на свой „демократизмъ“, раздѣляли польскій національный аристократизмъ, признающій поляковъ народомъ—господиномъ, которому должна подчиниться Западная Русь и Литва. Не откладывая новаго возстанія въ долгій ящикъ, вожаки польскихъ „демократовъ“ черезъ 2 года послѣ окончанія возстанія 1830—1831 годовъ, т. е. въ 1833 году, собрались въ Ліонѣ и отправили въ царство польское нѣкоего Заливскаго. Побывавъ тайкомъ тамъ, онъ уѣхалъ затѣмъ въ Галицію и объявилъ, что къ возстанію приступать рано. Нашлись такіе, которые не согласились съ нимъ и основали во Львовѣ общество польскихъ варбонаріевъ, (угольщиковъ) съ цѣлью немедленно вызвать возстаніе. Общество вскорѣ было закрыто австрійскимъ правительствомъ, а агенты его заключены въ тюрьму. Въ 1834 году, когда нѣкоторые поляки-эмигранты „демократической“ партіи приняли участіе въ организованной Мадзини въ Савойѣ революціи, возникло общество Молодой Польши, являвшееся вѣтвью общеевропейскаго революціоннаго общества, основаннаго Мадзини: каждая изъ этихъ вѣтвей—Молодая Италія, Молодая Германія, Молодая Польша, впоследствии Молодая Россія стремились къ демократической революціи въ своей странѣ и къ національной независимости ея, если она не пользовалась этой независимостью. Нѣсколько членовъ Молодой Польши отправились въ Россію готовить поляковъ къ возстанію. Движеніе было скоро подавлено, и главный руководитель его Конарскій казненъ въ Вильнѣ въ 1839 г.

Поддерживая въ полякахъ идею возстановленія Польши, польскіе вожаки, не ограничивались воспитаніемъ юношества по системѣ Чарторыйскаго и посылкой воззваній и эмиссаровъ. Въ ихъ распоряженіи было еще одно средство—эмиграціонная литература. Разростаясь съ 1831 года, эта литература, правда, съ трудомъ проникала къ нашимъ полякамъ, но тѣмъ не менѣе разными путями находила себѣ доступъ и въ Варшаву, и въ Вильну, и въ Кіевъ, и въ петербургскій польскій кружокъ студентовъ; знали ее и московскіе поляки—студенты. Н. В. Бергъ въ предисловіи къ своему переводу „Пана-Гадеуша“ рассказываетъ, что когда онъ въ 1844 г. ознакомился съ „Паномъ-Гадеушомъ“, даннымъ ему